

Иногда в этом воздухе ложно-весеннем
намечаются волны—изгибы—ступени,
и по ним неожиданно просто струятся
леера... поднимаешься в мир вариаций
и прозрений—о ком-то, расслышавшем гимны,
о мозаике дней, что могли быть другими,
и навстречу безмолвному воплю заката
устремляешься радостно и виновато.

Словно сколы скалы, кучевые террасы,
заповедные трассы неведомой расы...

...я вернусь после краткого чуда побега
в нераскрашенный мир, не отбеленный снегом,
в лунный стылый пейзаж из бетона, асфальта,
непромытого китча бессолнечной смальты.

Завтра выпадет снег—значит, всё перепишем
по-хорошему, набело—если запомню
этот свет и озноб, а ступени всё выше,
завтра всё ещё чисто, как снежное поле,
как морозные ветви кружат сквозь ресницы
февраля, колядуют, искрят, расплетаясь,
чтоб остаться собой, я должна измениться,
непрерывно меняться, как их очертанья.

Я тоскую по солнцу, как дерево Лема,
душу тянет в воронку—не скрыть до апреля.
Нелегко отделяются зёрна от плевел,
за соломинку слова держусь еле-еле.
Мир становится тесен—роднее, большее,
и обидчивей. Хрупок, как зимние ветви.
Жить, наверное, можно—но я не умею.
И закаты о чём-то кричат безответно.

Мокрый снег, нулевая погода,
переход состояний, портал,
зомби света и времени года—
ветви мокрые держат,
устал
весь изрытый проспект
от нагрузки,
только вниз, только вниз
не смотреть,
это очень светло и по-русски—
в нарастающий снег умереть.

Я забыла, как звать моё слово,
среди сотни волшебных имён
затерялось, уже не готова—
дикой птицей... Вот разве что сон—
всё по Гоголю—ведьму покажет,
я узнаю себя по строке,
и составлю натальные карты,
и по ним полечу належке,

дифирамб—то есть дважды рождённый—
ветру, воле, траве и волне—
станет радугой, дикой жердёлой,
Афродита поможет влюблённым,
а глаголы вернутся ко мне.

Я сегодня слепая и косная,
я спала с четырёх до шести,
я одно поняла: дело к осени,
только мне до неё не дойти,

только нет ни линейки, ни правила,
отделяющих твердь от воды,
глупо две бесконечности стравливать,
на обеих оставляю следы.

Мой летящий анапест,
ты бог на своей колеснице,
льётся слово, как олово,—
только б не в землю пролиться,
спицы плотно сливаются,
кудри сплетаются ветром,
но кончается нить—
не тянуться же ей километры,
нить—клубочком под горлом,
клубочек из снов—он кончен,
только хвостик покажет—
и всё погружается в вечность,
тонешь в ней, онемев,
нет в тебе даже слова «не надо»,
но в зерне перемен
вызревает твой новый анапест.

Лиственница

Стать деревом?—струиться, шелестеть,
дарить листвой и тенью, пить корнями,
не сдвинусь—мир во мне продолжить течь
прозрачными на вкус ночами-днями...

Не горевать, когда покинет снег,
последний снег—ненужный, лишний, жалкий,
цветные птицы прилетят ко мне,
заблудится в моих ветвях русалка.

Одной из тысяч дев—в колхидский лес—
стать лиственницей—длинной, долговязой,
жить сотнями сюжетов, бликов, пьес,
и сверху, с облаков,—единой фразой,

и неразлучно видеть всех детей
своих—длинноволосых, длинноногих,
с очами в небо...
ленту новостей
заменит ветер—мой приятель строгий.

Придут ко мне—кто очень ждёт весны
и те, кто ни во что уже не верит,—
в мой светлый мир звенящей тишины,
пружинящей травы заиндевелой.

Не буду знать бессилья и тоски—
меня со мной ничто не разделяет,
молитву пишут только от руки,
ветвями на ветру, эпистолярно...

Стать деревом... вобрать рассвет седой,
кружить над белым синеватым полем,
искристым, кучевым... Держать ладонь
чуть напряжённой, как в реке,—поскольку
не исчерпать...

А главное—что всё-таки мы живы
и всё ещё серьёзными не стали,
расцвет пиратства в Аденском заливе
уютным светом соляных кристаллов
нейтрализуем. Так легко—сорваться
и выдохнуть: я больше не могу.
А мы с тобой умеем распрямляться,
как тетива, согнутая в дугу.

Неправда, что счастливым Бог не нужен,
но боль трусливо уползает в сны.
Не нам кричать: спасите наши души,—
что-что, а души наши спасены.

Где тонко—там и рвётся? Тоже верно.
Срываются от крика голоса.
Не толстокожи мы. Так, может, нервы—
из лески той, что крепит паруса?

Мантры

Выбрить тонзуру,
солнцу подставить—
демоны, сгиньте.

Всё по наитью,
собственно, сдуру,
не по уставу.

Киньте нас оземь—
мы не заметим,
крылья поднимут.

Смерть—просто осень,
не бесконечны
белые зимы.

Небезупречны,
глупо смешливы,
неистребимы,

тонем в наиве,
пленники речи.
Демоны, мимо...

Нет, не терновый—
солнечный венчик,
не по уставу,

вспоят гипофиз
первоосновы—
солнцу подставить.

Сокодвиженье
в мире очнётся
и заструится

в острых, солёных,
вечнозелёных
листьях и лицах,

скорбных главою
вечно живою—
демоны, сгиньте.

Дальние гимны,
кроны секвойи,
вольному—воля.

● ● ●

Если колокол бьёт,
золотую листву отражая,
если небо синее воды,
день торжественно-зыбок,—
значит, завтра зима
обнажит прописные скрижали,
слово в строчке качнётся
молочным не выпавшим зубом.

Что кому-то штурвал—
для других колесо обозренья.
На просушку туманы развешены—
кончилось лето.
Бог уже не вверху, Он—езде,
Он во всех измереньях,
мокрой взвесью балует, жалеет,
дарит напоследок.

Ночью шёл звёздный дождь,
а к утру расцвели хризантемы...
Духу тесно везде, кроме неба,—
на что ему эхо,
отражения, мнения,
дискурс, раскрытие темы?..
Пусть парит, это первое право
детей и поэтов.

● ● ●

Всегда остаётся хоть что-то для будущей сказки—
завязка сюжета, намёк на желанье героя,
пучок перспектив, не сулящих понятной развязки,
возможность опять уклониться от общего строя,
всегда есть цепочка, хоть ниточка, краешек скотча—
потянешь и выйдешь внезапно в осеннюю рощу,
и слово наивное падает в жирную почву,
и видишь, насколько всё было сложнее, и проще,
и ярче. И дерево жизни ползёт и ветвится
змеистыми мыслями, формами гнева и света,
и корни его обнимают нежнее планету,
и крону его навещают нездешние птицы,
герои с большими сердцами и маленьким мозгом
страдают, рыдают, сдают и сливают что можно,
а хищные вороны свет заслонили крылами,
и лижет подножия башен ползучее пламя...
Я снова приеду—знакомиться, а не прощаться,
глядеть, ликовать, открывать и записывать в строку—
платаны, бакланы, жасмины, и ямбы, и тропы,
пока не накроет туман пеленой без пощады
и не засияет, рекой притворяясь, дорога.